

ЗНАК БЕДЫ

Крепость начали строить в незапамятные времена: сначала появился частокол, затем каменные башни. Тауэр рос, обустроивался, став городской цитаделью, королевской резиденцией, сокровищницей и одновременно... тюрьмой.

Одна из бесчисленных легенд Тауэра — местные вороны, живущие здесь столетиями...

Сэтим связано множество старинных преданий, которыми увлекают туристов музейные экскурсии. Одной из легенд Тауэра стали местные вороны, живущие здесь столетиями, так же как и бифитеры — столующиеся в замке стражи Тауэра, одетые в средневековые красные камзолы. Бифитерам корона выдает отличные бифштексы, воронов кормят скромнее, и это серьезно обижает птиц.

Они чувствуют себя хозяевами замка: вороньи династии селились здесь с тех пор, как норманны Вильгельма Завоевателя изрубили саксов и прекрасная Эдит Лебязья Шея плача искала на поле битвы под Гастингсом тело своего возлюбленного — саксонского короля Гарольда II.

Ремонтируя Тауэр, рабочие часто натываются на вороньи гнезда и находят в них то старинную печатку, то золотые часы...

Воронам многое известно о прежних и нынешних обитателях Тауэра, но в отличие от экскурсоводов они своими тайнами ни с кем не делятся.

Ремонтируя Тауэр, рабочие часто натываются на вороньи гнезда и находят в них самые неожиданные предметы. Старинную печатку, медальон, золотые часы... Один реставратор клялся, что однажды ему попала даже рыцарская перчатка XIV века! Людские посягательства вороны считают революционным разбоем и свидетельством того, что старому доброму времени приходит конец.

Одна из самых почтенных вороньих династий несколько столетий бережно хранила свои сокровища, начало же семейному состоянию было положено в 1553 году...

Совсем еще молодой ворон только-

только начал тогда обживать уютное местечко под боевым зубцом Кровавой башни — он попал в Тауэр по большой протекции и очень хотел обосноваться здесь надолго. 15 июля 1553 года в башне началась суматоха: в покоях топили камины, обойщики отделяли стены и развешивали ковры, из дома коменданта притащили резную дубовую мебель. Ворон внимательно следил за происходившим, возбужденно прыгал по краю боевой площадки, вытягивал шею и пронзительно каркал: в комнаты носили еду. Птица не знала, что Кровавая башня ожидает Джейн Грей, «девятидневную королеву»...

Генрих VIII был веселым королем: сменил шесть жен — с одними развелся, другим отрубил головы, и только последняя умерла в почете и славе, оставив королю сына. Но наследник был слаб здоровьем и почил с миром, процарствовав всего шесть лет. Тогда в борьбу за престол вступили его сестры. Жесткое некрасивое лицо, неженский ум, тяжелый характер и католический пыл Марии, дочери Екатерины Арагонской, первой жены покойного короля, не сулили Британии ничего хорошего. Млад-

«Девятидневная королева» имела отдаленные права на престол и не стремилась его занять. Портрет Джейн Грей работы Т. А. Дина (1554 г.)

дворный ювелир получил приказ переделывать корону по ее голове.

Ворон взмахнул крыльями и взлетел — к воротам Кровавой башни приближалась небольшая процессия. Он парил над замком и видел, как женщина в темно-зеленом бархатном платье вошла внутрь башни, а невысокий шуплый мужчина в коричневом камзоле направился в башню Бошан. Над бастионами поднялся легкий дымок: стоявшие у пушек канониры запалили фитили. Девятидневный спектакль завершился — в Тауэр доставили Джейн Грей и ее супруга.

Ворон спланировал вниз и устроился на плече резной каменной химеры, укрывавшей забранное частым свинцовым переплетом окно. Птица отлично знала это место — месяц назад она неведывалась сюда каждый день. Живший в башне человек открывал окно и выкладывал на подоконник остатки обеда. Ворону перепалили шкурки от окорока, хлебные корки и косточки от отбивных. Однажды он изловчился и, влетев в комнату, стянул с поставца перстень с печатькой. Потом человека увели, и ворон провозжал процессию — повозку, окруженную конной стражей, священника и рослого молодца в красном камзоле со сверкающим топором на плече. С тех пор птицу никто не кормил, и это казалось ей величайшей в мире несправедливостью. Но теперь в башне появился новый человек — и ворон нетерпеливо забарабанил клювом в свинцовый переплет.

В Кровавую башню Джейн Грей доставили из дворца, расположенного неподалеку, в том же Тауэре. Королевские покои опустели не сразу — сначала исчезли придворные, затем слуги, следом сняли охрану. А она так и сидела в кресле под балдахином, вышитым геральдическими львами...

В зал вошел ее отец. Лорд Грей сказал: «Сойди, дочь моя, здесь тебе не место», и она удалилась в другую комнату. Потом пришла стража... Страна, а вслед за ней и армия перешли на сторону Марии — Джейн Грей узнала об этом последней.

Она выполняла все, что требовали старшие. Отец велел выйти замуж за сына герцога Нортумберленда (юный Гилфорд был глуп, прыщав и совсем ей не нравился) — и дочь повиновалась. Свекр показал

шая дочь Генриха и Анны Болейн, которой отрубили голову за супружескую измену, принцесса Елизавета, напротив, была хороша собой. Дела религии ее не интересовали — она унаследовала легкомыслие матери и хотела лишь танцевать да развлекаться.

Однако корона досталась женщине, не имевшей отношения ни к одной из многочисленных жен Генриха VIII. Леди

Джейн Грей, красивое, тихое и благородное существо, к тому же ревностная протестантка, имела отдаленные права на престол и не стремилась занять трон. Но ее отец был честолюбив, а свекр командовал королевской армией и хотел видеть сына на троне. Леди Джейн подчинилась воле своей и мужниной родни: вселилась в королевские покои, принцессу Марию велела арестовать, а при-

Открыв створку окна, леди Джейн увидела большую иссиня-черную птицу. Ворон вытянул шею и хрипло гаркнул: «Виват!»

ей завещание покойного Генриха VIII, по которому принцессы Мария и Елизавета лишились прав на престол, — и Джейн согласилась занять его. Послушавшись совета старших, отправила армию в погону за принцессой Марией; а когда муж тоже пожелал стать монархом — почти согласилась короновать и Гилфорда...

Теперь от Джейн Грей никто ничего не требовал, и она занялась тем, что любила больше всего: благочестивая протестантка упала на колени и начала молиться.

Молитву прервал дробный стук в окно. Открыв створку, леди Джейн увидела большую иссиня-черную птицу. Ворон взмахнул крыльями, вытянул шею и хрипло гаркнул:

— Виват!

От неожиданности узница отскочила в глубь комнаты.

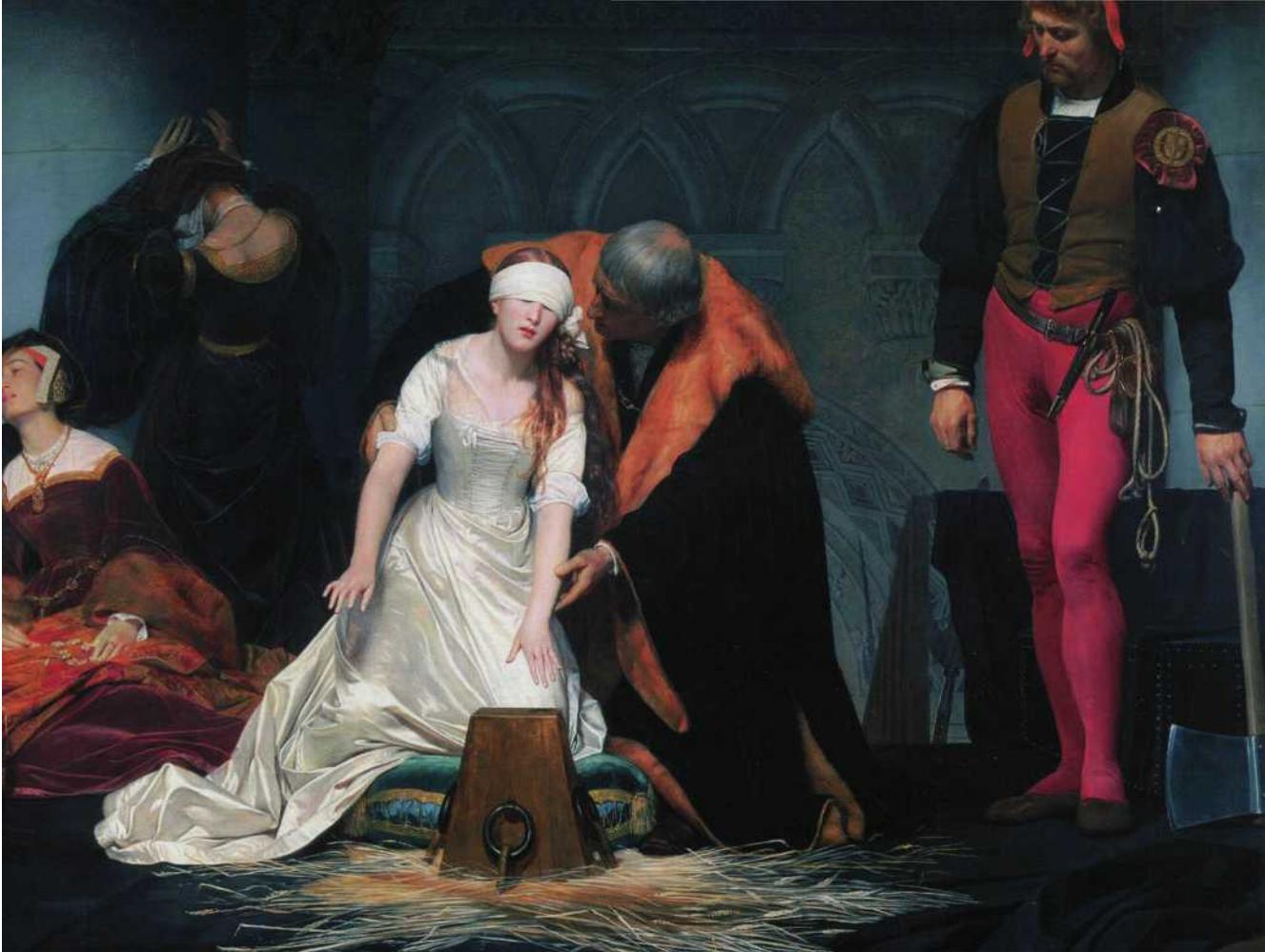
Будь она католичкой, наверняка упала бы в обморок, но ее религия не допускала безусловной веры в дьявола, хотя сначала леди Джейн и приняла ворона за черта. Однако решив, что это всего лишь знамение, посланное свыше и указывающее на тщету земной славы, снова опустилась на колени и стала молиться с удвоенным пылом. Обескураженный ворон возмущенно запрыгал на подоконнике — слову «Виват!» его научил прежний обитатель и за правильно произнесенное приветствие всегда угощал кусочком стилтонского сыра.

Ворон набрался храбрости, спикировал на стол, бодро проковылял к пудингу и, к вящему изумлению леди Джейн, с явным удовольствием принялся за трапезу. Так началась дружба птицы и узницы.

Леди Джейн пробыла в заточении семь месяцев, и за это время тюремный

Ворота Изменников, через которые заключенные попадали в Тауэрскую тюрьму

Перед тем как опуститься на колени, расстегнуть воротник и завязать белым платком глаза, леди Джейн улыбнулась и сказала: «Господи, в руки твои передаю дух мой!..» Картина работы Поля Деляруша «Казнь леди Джейн Грей»

ворон основательно отъелся. Он сохранил о пленнице самые лучшие воспоминания: она не запирала окно, пускала его в комнату и кормила с ладони (однажды, уловив минуту, он даже стянул ее золотой браслет). Порой, расчувствовавшись, женщина гладила кончиками пальцев его твердые блестящие перья.

До событий, творившихся за стенами замка, ворону, разумеется, не было дела.

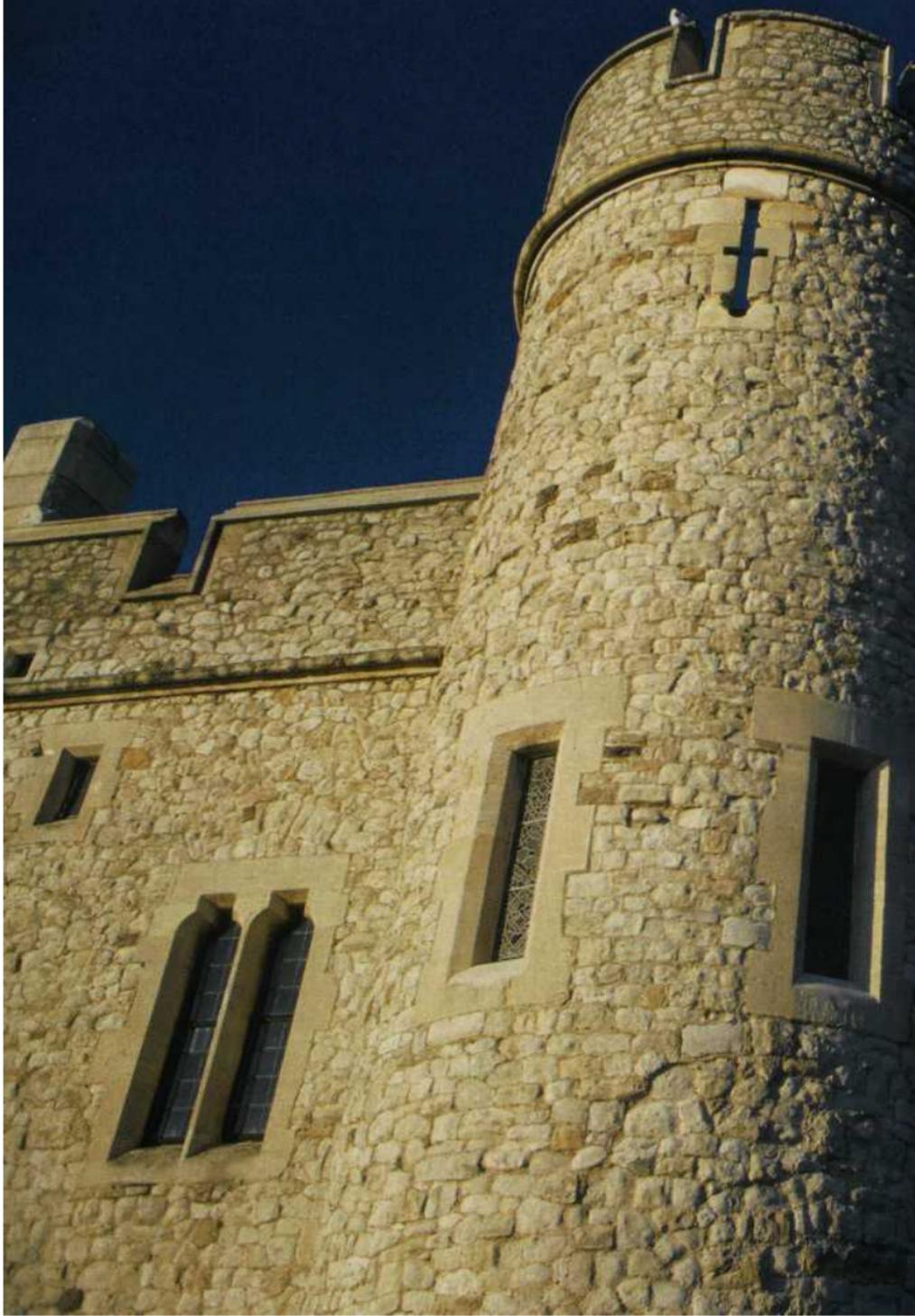
Сначала там громко звонили колокола, через несколько дней начали палить пушки, за Темзой горели дома, по улицам скакали всадники в латах. Весь этот беспорядок начал действовать ворону на нервы, и он окончательно утвердился в мысли, что огороженный крепкими стенами Тауэр — прелестное тихое место, как нельзя лучше подходящее для птицы, предпочитающей спокойствие. Корона-

ция Марии, торжества, а затем мятеж с уличными боями ворона не волновали — он исправно получал свою порцию объедков и был вполне доволен судьбой. Жизненный путь леди Грей между тем подходил к концу: королева Мария жаждала смерти соперницы.

Джейн не боялась умереть — она всегда покорно следовала совету старших и теперь, полагаясь на Бога, была готова принять последнее испытание. Королева присылала к ней священников — Мария хотела, чтобы заключенная перешла в католичество. Но узница твердо ответила «нет» и стала спокойно дожидаться приговора.

Ее супруг давно сломался, принял католичество, как и все ее родственники, и униженно просил королеву о пощаде. Он

Жизненный путь «девятидневной королевы» леди Джейн Грей подходил к концу: Мария Тюдор жаждала смерти соперницы

Жизнь в Тауэре текла размеренно: в замок приводили новых обитателей, некоторые оставались здесь надолго, другие покидали крепость хорошо знакомым ворону путем: исповедь, плаха, погребальная телега...

коротал время, чертя на стенах темницы имя — «Джейн Грей», и умолял ее о свидании. Но леди Джейн отвечала отказом. Она вышла за него по воле отца и теперь чувствовала себя совершенно свободной. До свадьбы Джейн знала лорда Гилфорда всего несколько дней, и из-за бурных событий ее девятидневного царствования стать супругами по-настоящему они так и не успели. Когда мужу вынесли

смертный приговор, леди Джейн мягко уклонилась от последнего свидания.

В понедельник ее разбудил стук молотков — рабочие возводили эшафот. Через несколько часов по мостовой застучали колеса — погребальная телега увозила обезглавленное тело Гилфорда. Вскоре пришли и за ней...

Перед тем как совершить последнее дело своей жизни — опуститься на коле-

ни, расстегнуть воротник и завязать белым платком глаза, леди Джейн подняла голову. Ей показалось, что над местом казни парит ее ворон; это было маловероятно, но все же Джейн улыбнулась: бессловесная тварь помнила добро и

прилетела проводить ее в последний путь.

— Господи, в руки твои предаю дух мой!.. — прошептала несчастная.

Палач опустил топор, и ворон окончательно уверился в том, что так завер-

По мостовой застучали колеса — погребальная телега увозила обезглавленное тело Гилфорда. Вскоре пришли и за леди Джейн

Мария правила Англией железной рукой. Втихомолку народ называл королеву Кровавой Мэри. Портрет Марии Тюдор работы Антониса Мора (середина XVI в.)

...Мария правила Англией железной рукой, она вышла замуж за испанского принца и насаждала в стране католичество. Несогласных с волей королевы отправляли на костер: они пылали от Дувра до шотландской границы. Англия роптала, но повиновалась.

Втихомолку народ называл королеву Кровавой Мэри. Между тем Мария была глубоко несчастна — ведь ее ненавистная соперница, Елизавета, продолжала осквернять землю. Генрих VIII развелся с матерью Марии ради Анны Болейн — Екатерину Арагонскую облыжно обвинили в супружеской измене, опозорив перед всем светом, а ее, Марию, объявили незаконнорожденной. Папа Римский не соглашался на развод, и ради потаскушки Болейн отец изменил истинной вере. Более того — объявил себя главой церкви и ввел в Англии новую религию! Потом шлюхе Болейн отрубили голову за измену, но ее дочь все время напоминала Марии о прошлом... Судьба Елизаветы всецело зависела от королевы: если бы Мария родила наследника престола, жизнь младшей дочери Генриха не стоила бы и гроша. Но пока Елизавета Тюдор была единственной гарантией того, что после смерти Марии трон не достанется дальней родственнице, королеве Шотландской, которую повелительница Англии ненавидела еще больше, чем сводную сестру.

Королева очень старалась завести наследника, но испанский муж оставался к ней безразличным — он так и не удосужился выучить английский и посещал Марию в соответствии с мадридским придворным ритуалом — два раза в неделю и выполнял супружеский долг так же, как танцевал сарабанду: добросовестно и неуклюже. У не слишком молодой мужеподобной Марии ребенок все не появлялся, но ей так этого хотелось, что в один прекрасный день королева повела в собственную беременность.

...Заметив, что в окнах Кровавой башни загорелся свет, ворон взлетел и приземлился на подоконнике. Он не знал, что час назад сюда доставили Елизавету.

Приблизившись к Воротам Изменника, принцесса уселась на камень и заявила, что дальше не пойдет: она — честная девушка, верноподданная Ее величества,

шают свой век все обитатели его башни. Они приходят, чтобы кормить его, приносят чудесные вещи, украшающие птичью жизнь, уходят... Описав над плахой круг, ворон опустился на боевую площадку, заковылял к своему гнезду, устроился поудобнее и начал ждаться.

Жизнь в Тауэре по-прежнему текла размеренно: через Ворота Изменника в замок приводили новых обитателей, некоторые оставались здесь надолго, других скоро выпускали, третьи покидали крепость хорошо знакомым ворону путем: исповедь, плаха, погребальная телега...

Если бы Мария родила наследника престола, жизнь Елизаветы, младшей дочери Генриха VIII, не стоила бы и гроша

Королева была прозвана Девственницей — и меняла одного любовника за другим. Елизавета Тюдор, портрет работы Зуккеро

КЛОНИЛСЯ, гаркнул «Виват!» Елизавета Тюдор внимательно оглядела взерошенную птицу и звонко расхохоталась. Отблески ярко горевших свечей играли в расставленных на столе хрустальных бокалах и серебряных подносах. Ворон с интересом присматривался к новой обитательнице башни. Рыжие волосы, светлые глаза, продолговатое лицо, правильный нос, четко очерченный подбородок... При дворе младшая дочь Генриха VIII считалась красавицей, но ворон в таких делах не разбирался, а вот непосредственность дамы его подкупила. Он скосил блестящий глаз, раскрыл клюв и ловко схватил огромный кусок ветчины. За ним последовал второй. В этот вечер ворон так наелся, что с трудом долетел до гнезда. Он решил: Елизавета Тюдор — настоящая леди...

Вот только стащить какую-нибудь из ее побрякушек оказалось делом непростым: рыжеволосая женщина кормила птицу щедро, но за своими вещами присматривала зорко. Ворон подбирался то к жемчужной сережке, то к усыпанной алмазами заколке — и каждый раз еле уворачивался от метко брошенного молитвенника. (Елизавета Тюдор любила красивые вещи, но была равнодушна к религии.)

В отличие от леди Джейн принцесса хотела жить и царствовать: тюремный ворон, приветствовавший ее криком «Виват!», показался ей добрым предзнаменованием. Ворон снова разжирел. Птицу огорчало лишь неизбежное расставание с гостьей. Он знал: ее ждет плаха, его — ритуальный полет над собравшейся поглазеть на казнь толпой. И потому, когда принцесса отбыла восвояси — но не через Ворота Изменника, а сквозь парадный, обращенный к городу выход, — свято веривший в неизменность сложившегося порядка ворон почувствовал себя совершенно растерянным. Утешило его только то, что в суматохе поспешных сборов ему удалось прошмыгнуть в зал, когда там не было ни принцессы, ни ее камеристок, и стянуть со стола давно облюбованную блестящую заколку.

Мария Тюдор, поняв, что ребенка у нее не будет, скрепя сердце простила дочку проклятой Болейн... А вскоре она

и такого обхождения не заслуживает. Комендант попытался ее уговорить, но в ответ получил порцию такой соленой брани, что покраснел даже гвардейский конвой — а уж солдаты слышали всякое.

Комендант был поражен — он знал, что при дворе Елизавету считают светочем ума и образованности. Принцесса в совершенстве знает греческий и латынь, по утрам читает трагедии Софокла и речи Сократа, а ее познаниям в истории и

богословию могут позавидовать даже оксфордские профессора... Офицер битый час суетился вокруг сидевшей на камне нахолившейся девятнадцатилетней дамы. В конце концов ученая принцесса благоволила отправиться в тюрьму, а рассыпавшийся в поклонах комендант про себя окрестил ее Валаамовой ослицей.

...Ворон сделал то, что предписывал ритуал, — постучал клювом в окно, по-

Последний фаворит Елизаветы Английской был моложе королевы на 34 года и приходился ей... двоюродным внуком

умерла, и принцесса Елизавета приняла печальное известие так, как и подобает любящей, все простившей сестре. Если верить историческим хроникам, она воскликнула: «Это чудо, за которое мы должны благодарить Бога!», причем на чистой латыни. Началось ее царствование, и занималась она этим много лет: громила испанский флот и выгодно продавала подпорченную солонину на собственные корабли. При ней Англия благоденствовала, а она составила гардероб из нескольких тысяч платьев. Елизавета была прозвана Девственницей — и меняла одного любовника за другим. Последний фаворит был моложе коро-

левы на 34 года и приходился ей... двоюродным внуком. Роберт Девере, граф Эссекс, состоял при королеве больше десяти лет. Он считался лучшим представителем английского рыцарства: был храбр и красив, взял Кадис и отличился во Франции. Охлаждение наступило после того, как Эссекс заключил тайный брак с мисс Уолсингэм — этого Елизавета ему не простила.

С тех пор как она вышла из Тауэра, минуло 45 лет. Очаровательная рыжеволосая девушка превратилась в иссохшую, набеленную и нарумяненную старуху, изо всех сил цеплявшуюся за жизнь. Заговорщики мерещились ей на

Роберт Девере, граф Эссекс, считался лучшим представителем английского рыцарства. Портрет графа Эссекса работы неизвестного художника (1597 г.)

Ныне вороны, живущие в Тауэре, больше не летают. Специальный человек аккуратно подрезает птицам крылья

каждом шагу, и перед отходом ко сну королева протыкала шпагой портьеры. Она не тронула бы Эссекса, но граф имел слишком много врагов: члены могущественного клана Сесилей — сначала государственный казначей Вильям, граф Бэрли, а потом и его сын Роберт — хотели уничтожить опасного конкурента.

К тому же Эссекс владел выгодной винной монополией, к которой многие проявляли неподдельный интерес. Так что у опалы имелись свои причины. Падению фаворита очень помогло и то, что отношения старой королевы и ее любимца всегда были неровные — они, как обиженные супруги, в любую минуту могли закатить друг другу сцену.

На заседании Тайного совета Елизавета и Эссекс в очередной раз повздорили: граф повернулся к государыне спиной, получил за это пощечину и, рассвирепев, схватился за меч.

Взбешенная Елизавета отправила Эссекса под домашний арест и отобрала винную монополию. Но обиженный граф поднял мятеж, начавшийся и закончившийся, впрочем, самым нелепым образом. Строго говоря, это был и не мятеж вовсе, а скорее семейный скандал — так обидевшийся муж начинает крушить мебель и посуду, а потом, хлопнув дверью, уходит из дома, возвращаясь под утро с надеждой, что жена за это время одумалась и его ждет вкусный завтрак и

чистая постель. Но все обернулось иначе, поскольку в распоряжении королевы имелись лейб-гвардейцы, суд и Тауэр.

8 февраля 1601 года из дома Эссекса высыпал отряд рыцарей и, размахивая шпагами, направился ко дворцу. Лондонцы не поддержали мятежников, а дороге ко дворцу им преградили войска. Вскоре гвардия загнала сторонников Эссекса обратно. Они пытались обороняться, стреляли с крыши в солдат и слались, только когда к дому подвезли пушки. Графа тут же отправили в Тауэр — это был последний обитатель Кровавой башни, с которым постаревший, прибавивший в весе, занявший к этому времени видное положение среди пернатых собратьев тюремный ворон пытался подружиться.

В следующую ночь после того, как Эссекса отправили в Тауэр, в тюремное окно постучали. Граф обрадовался, решив, что с боевой площадки к нему по веревке подобрался кто-то из сторонников. Когда-то епископ Ральф бежал из Тауэра по веревке — почему бы и ему, бывалому

Заговорщики мерещились Елизавете на каждом шагу, и перед отходом ко сну королева протыкала шпагой портьеры

Легенда о вороне, являвшемся к тем, кого ждет эшафот, жила до тех пор, пока тюрьма не превратилась в музей

солдату и моряку, не повторить?... Но за окном вместо освободителя оказался огромный черный ворон. Взглянув узнику прямо в лицо, птица крикнула: «Виват!» — и граф понял: это явился ангел смерти... Родные, навестившие графа перед казнью, разнесли по Лондону весть о страшном видении.

Поле того как Эссекс, отчаянно заорав, принялся швырять в него всем, что подвешивалось под руку, ворон потерял веру в людей. Ему, правда, удалось напоследок подхватить тяжелую серебряную рюмку, пополнившую его коллекцию, но обида тем не менее осталась. Ворон понял: но-

вый жилец хотел его убить, и перестал навещать тех, кто вселялся в Кровавую башню, — теперь ворон разговаривал только сам с собой. Но о нем уже стало известно и заключенным, и охране Тауэра. Время от времени из-под боевых зубцов доносились жуткие нечеловеческие вопли: «Виват! Виват! Виват!), и обитатели замка знали: вскоре следует ждать беды.

Вскоре Эссекс отправился на плаху — первый удар топора пришелся по голове, второй угодил в плечо, и только третьим палач рассек ему шею...

Легенда о тауэрском черном вороне, являвшемся к тем, кого ждет эшафот, жи-

ла долго — до тех пор пока королевская тюрьма не превратилась в музей.

Ныне вороны, живущие в Тауэре, больше не летают. Птицы важно разгуливают по внутреннему двору замка, где когда-то сколачивали плахи: государство отпускает на их содержание два шиллинга четыре пенса в неделю, но — совершенства в мире нет! — специальный человек аккуратно подрезает птицам крылья. В Тауэре помнят, что истоки Британии незыблемы, пока вороны не покинут замок, — и теперь они живут в просторных вольерах, а к старым гнездам подбираются реставраторы.

В одном из них среди множества блестящих мелочей несколько лет назад ученые обнаружили браслет с инициалами Джейн Грей, заколку Елизаветы Тюдор и рюмку с гербом Эссексов. находка наделала много шума и легла в основу нескольких остроумных научных гипотез.

Алекс Макдермотт